

УДК 341.492.2:342.4 (575.2)(04)

СТАТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА
И КОНСТИТУЦИЯ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ:
СООТНОШЕНИЕ, ВОЗМОЖНЫЕ КОЛЛИЗИИ, ПУТИ РЕШЕНИЯ

Ч.А. Мусабекова – канд. юрид. наук, доцент

Приведены история и компетенции Международного уголовного суда, созданного на основании многостороннего договора – Статута, принятого на Дипломатической конференции в Риме 17 июля 1998 года.

Ключевые слова: Международный уголовный суд; Статут государств.

По состоянию на 17 октября 2007 г. 105 государств являются государствами-участниками Римского статута Международного уголовного суда (МУС)¹. Среди ратифицировавших Статут государств есть и два участника СНГ – это Грузия и Таджикистан. Еще шесть государств СНГ, в том числе Кыргызстан, Статут подписали, но пока не ратифицировали.

Однако перед государствами, как ратифицировавшими, так и не ратифицировавшими, не раз возникали вопросы соответствия Статута их конституциям и иным нормативным правовым актам (в частности, уголовному кодексу, уголовно-исполнительному кодексу и др.). В данной статье мы попытаемся выявить некоторые видимые, на взгляд автора, противоречия, расхождения между текстами Римского статута и Конституции Кыргызской Республики и предложить некоторые пути их решения.

Но прежде несколько слов об истории создания и компетенции МУСа².

¹ Данные о ратификациях можно найти на официальном электронном сайте Международного уголовного суда по адресу: www.icc-cpi.int.

² Для этого мы обращаемся к докладу российского эксперта А.И. Микульшина “Римский статут – обзор основных положений. Преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда”, который был сделан на Международном семинаре по международному гуманитарному праву для государственных служащих и представителей академических кругов (Москва, 16-19 сентября 2003 г.). См.: *Тузмухаме-*

Идея создания МУС для преследования военных преступников имеет давнюю историю. Первая попытка реализовать ее была предпринята Версальским мирным договором 1919 года, в котором предусматривалось создание международного трибунала для “осуществления правосудия” над германским кайзером Вильгельмом II. Однако Трибунал не был создан.

После Второй мировой войны идея международной уголовной ответственности физических лиц (индивидов) за преступления против мира, человечности и военные преступления была реализована в Нюрнбергском и Токийском трибуналах, Международном трибунале по бывшей Югославии и Международном трибунале по Руанде. Эти суды сыграли свою роль в развитии идеи создания МУСа. Но у всех этих органов имелась одна слабость – они создавались *post faktum*. МУС во многом воспринял достижения этих судебных органов, но в то же время имеет свои достижения.

Первое, МУС – это постоянно действующий международный уголовный суд, который призван рассматривать преступления, имеющие место после вступления Статута МУС в силу.

Второе, МУС призван работать на основе международно-правового документа – Статута.

Третье, МУС принял ряд основополагающих документов, которые должны служить основой для работы Суда кроме Статута, – это *Элементы*

дов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия. – М.: Юристъ, 2006. – С. 443–447.

преступлений, в которых перечислены преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, т.е. условно это “уголовный кодекс” для МУСа; *Правила процедуры и доказывания*, которые служат условно “уголовно-процессуальным кодексом” для МУСа. Кроме того, в ходе подготовки к началу деятельности Суда были подписаны ряд Соглашений организационно-правового характера: *Соглашение о взаимодействии Суда и ООН*, *Соглашение о пребывании штаб-квартиры МУС в Нидерландах*, *Соглашение о привилегиях и иммунитетах*, *Положение о персонале*.

Принципы деятельности МУСа.

1. Разделение ответственности. Впервые разделена международно-правовая ответственность и индивидуальная ответственность. Должностное положение лица не освобождает его от ответственности. Наличие внутреннего иммунитета не освобождает лицо от юрисдикции Суда (ст. 28 Статута).

2. Принцип дополнительности (комплементарности). Данный принцип сводится к тому, что за основу берется национальная юридическая система. МУС дополняет, а не заменяет национальные суды. Идея функционирования МУС заключается в том, что когда идеально работает национальная правовая система, тогда необходимость в Суде отпадает, когда же не срабатывает национальная система, наступает очередь Суда.

3. Суд может осуществлять юрисдикцию по военным преступлениям, совершенным не только в ходе конфликтов международного характера, но и в условиях международных конфликтов.

4. За основу деятельности Суда принимаются основополагающие принципы действующего международного права.

Юрисдикция МУСа. В юрисдикцию МУСа входят *преступление геноцида, военные преступления, преступления против человечности и преступления агрессии*. В отношении определения преступления агрессии компромисса государствам-участникам найти не удалось до сих пор. Основное расхождение в позициях государств: какой орган вправе определять факт совершения преступления агрессии – Совет Безопасности, Генеральная Ассамблея, Международный Суд ООН либо сам МУС.

Квалифицирующими признаками для таких преступлений, как военные преступления и преступления против человечности являются:

- преступления против человечности – “совершаются в рамках широкомасштабного

или систематического нападения на любых гражданских лиц”;

- военные преступления – “осуществляются в рамках плана или политики или при крупномасштабном осуществлении таких преступлений”.

Структура МУСа. Суд состоит из нескольких палат:

- Судебная палата, которая осуществляет судебное производство, коллегия из трех-пяти судей;
- Апелляционная палата для обжалования решения в составе других судей;
- Палата предварительного производства, которая рассматривает вопрос о приемлемости дела для суда;
- Президиум, председатель суда, его заместитель – организующий руководящий орган;
- Прокурор, его заместители и аппарат следователей, т.е. те, кто занимаются расследованием, в том числе и на территории тех государств, где были совершены преступления, при условии ратификации Статута этим государством.

На сегодняшний день избраны 18 судей. Судьями могут быть лица, которые выступают в личном качестве, известны своими познаниями в области международного права, уголовного права, прав человека. Судьи первого состава избираются на 9 лет, по жеребьевке – на 3 года, 6 лет и на 9 лет соответственно. Из них 10 человек должны быть специалистами в области уголовного права и процесса, 8 человек – в области международного и гуманитарного права. Состав Суда должен представлять основные правовые системы мира, а также должен быть учтен фактор справедливого географического представительства и гендерный фактор.

Возбуждение дела. Инициировать производство в Суде можно:

- 1) по заявлению государства-участника;
- 2) по обращению Совета безопасности ООН о привлечении к ответственности;
- 3) по инициативе Прокурора;
- 4) органы ООН;
- 5) межправительственные или неправительственные организации и иные надежные источники, которые Прокурор сочтет подходящими.

Рассмотрим соотношение Римского Статута и Конституции КР.

Римский Статут и Конституция КР. По отношению к Римскому Статуту позицию Кыргызстана можно назвать выжидательной.

Кыргызстан принимал участие в работе Дипломатической конференции полномочных представителей по созданию МУСа, которая проходила в Риме с 15 июня по 17 июля 1998 г. 4 декабря 1998 года Президент Кыргызской Республики подписал распоряжение, которое уполномочило Председателя Конституционного суда Кыргызской Республики Ч.Т. Баекову на подписание Римского Статута МУСа. 12 декабря 1998 года Ч.Т. Баекова подписала Римский Статут МУСа от имени Кыргызской Республики.

В Плане мероприятий, утвержденных постановлением Правительства КР “О реализации предложений по имплементации норм международного гуманитарного права в Кыргызской Республике” от 18 июня 2003 года N 361, было предусмотрено изучение вопроса о целесообразности ратификации Кыргызской Республикой Римского Статута. Однако к Римскому Статуту Кыргызстан не присоединился, хотя в последнее время ведется определенная работа по подготовке к ратификации.

В частности, велась более активная работа со стороны неправительственного сектора при поддержке проекта Европейского союза “Информационная и ратификационная компания о Международном уголовном суде (МУСе) в России, Турции и странах Центральной Азии”. В научной литературе¹ предлагалась необходимость окончательного признания юрисдикции МУСа, вплоть до принятия отдельного закона в Кыргызской Республике, где в полной мере будут регулированы вопросы определения и наказания преступления против мира и безопасности. Кроме того, это обусловлено юридической обязанностью страны по добросовестному выполнению взятых на себя международных обязательств. Однако определенные трудности в процессе подготовки к ратификации Римского Статута ощущаются, и они не только правового характера, есть и политические причины столь долгого затягивания этого процесса.

Обратимся к основным гипотетическим проблемам конституционности Статута МУС, которые выдвигаются в КР. В частности, это касается следующих положений:

1) статья 27 Римского Статута, в соответствии с которой его положения касаются в равной степени всех лиц, вне зависимости от их долж-

¹ См.: Курманов А.К. Преступления против мира и безопасности человечества (по уголовному законодательству Кыргызской Республики). – Бишкек, ИД “Наука и образование”, 2002. – С. 84–85.

ностного положения, и которая не соответствует п. 1 ст. 49, п. 1 ст. 56, п. 2 ст. 83 Конституции Кыргызской Республики от 23 октября 2007 г., гарантирующих иммунитет соответственно Президенту Кыргызской Республики, депутатам парламента Кыргызской Республики и судьям;

2) статья 89 (1) Римского Статута, которая предусматривает передачу лиц Международному уголовному суду, и ст. 107 (3), касающаяся передачи государством лица третьему государству для судебного преследования или исполнения приговора, не соответствующих п. 5 ст. 20 Конституции Кыргызской Республики от 23 октября 2007, в соответствии с которой гражданин КР не может быть выдан другому государству, в том числе и в связи с процедурой уголовного преследования.

Конституция КР не предусматривает также передачу граждан КР (в качестве отдельного вида экстрадиции) международным органам уголовного судопроизводства;

3) статьи 42 (4) и 66 (2) Римского Статута, где бремя доказывания возлагается на прокурора, выбранного членами Ассамблеи государств-участников, не согласуются со ст. 77 Конституции КР, в соответствии с которой поддержка обвинения в суде возлагается на прокуратуру КР.

Рассматривая Статут на предмет его соответствия Конституции КР, на наш взгляд, следует принимать во внимание, следующее.

Первое, относительно иммунитета высших должностных лиц.

Во-первых, в соответствии со ст. 27 (1) Статута, его положения применяются в равной мере ко всем лицам, вне зависимости от их должностного положения. В частности, должностное положение главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора.

Статья 27(2) Статута предусматривает, что иммунитеты и специальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, согласно национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица.

В соответствии с п. 3 ст. 12 Конституции КР общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Кыргызской Республики.

Одним из этих принципов является принцип добросовестного соблюдения международных обя-

зательств, который возник в форме международно-правового обычая "pacta sunt servanda" на ранней стадии развития государственности. В настоящее время он нашел отражение в многочисленных международных соглашениях.

В качестве общепризнанной нормы поведения субъектов вышеупомянутый принцип закреплён в Уставе ООН, в Преамбуле которого подчеркивается решимость членов ООН "создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права".

Установление ответственности за совершение большинства преступлений, предусмотренных Римским Статутом, является международно-правовым обязательством КР, в соответствии с другими международно-правовыми документами, которые вступили в силу для нашего государства.

К ним, в частности, относятся Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. (вступила в силу 12 января 1951 г.)¹; Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны от 12 августа 1949 г. (вступила в силу 21 октября 1950 г.)²; Женевская конвенция об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. (Конвенция вступила в силу 21 октября 1950 г.)³; Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. (вступила в силу 6 июля 1957 г.)⁴; Международная конвенция о предупреждении преступления апартеида и наказании за него от 30 ноября 1973 г. (вступила в силу 18 июля 1976 г.)⁵; Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. (вступила в силу 26 июня 1987 г.)⁶.

¹ Кыргызская Республика присоединилась Законом Кыргызской Республики от 26 июля 1996 года № 49.

² Вступила в силу для Кыргызстана с 1992 г. на основе правопреемства.

³ Ратифицирована Законом КР от 21 июля 1999 года № 86.

⁴ Кыргызская Республика присоединилась постановлениями ЗС Жогорку Кенеша КР от 8 июня 1995 года ЗС N 121-1 и СНП Жогорку Кенеша КР от 10 июня 1995 года П N 94-1.

⁵ Кыргызская Республика присоединилась Законом КР от 26 июля 1996 года №50.

⁶ Кыргызская Республика присоединилась Законом КР от 26 июля 1996 года №46.

Фактически Статут отражает большинство положений, определяющих преступления, которые перечислены в упомянутых выше и других конвенциях, к которым присоединилась КР.

Положения Статута, запрещающие преступление геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступление агрессии, в настоящее время считаются обычной нормой международного права, что неоднократно подтверждали международные органы.

Следовательно, их криминализация, в соответствии со статьей 12 Конституции КР, не зависит от соблюдения КР положений Статута и его вступления в силу.

Во-вторых, положения Статута не запрещают установления положений и не отменяют положения Конституции КР, касающиеся неприкосновенности Президента КР, депутатов парламента и судей, а лишь вытекают из того, что неприкосновенность этих лиц связана с национальной безопасностью и не может служить препятствием для осуществления МУСом его юрисдикции, касающейся тех из них, кто совершил преступления, указанные в Статуте.

Это полностью согласуется с международно-юридическими обязательствами КР.

Так, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него прямо предусматривает, что лица, совершающие геноцид, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами (ст. 4). Следовательно, положения Конституции КР, касающиеся неприкосновенности указанных категорий лиц, следует толковать в постоянной связи с положениями ст. 12 Конституции КР.

В-третьих, неприкосновенность определенной категории должностных лиц не является их привилегией; она связана с выполнением ими важных государственных функций, поэтому, согласно Конституции КР и международно-правовым обязательствам КР, ее нельзя считать гарантией их безнаказанности. Неприкосновенность Президента КР, депутатов парламента и судей лишь определяет особые условия возбуждения против них уголовного преследования.

В-четвертых, лица, пользующиеся правом на неприкосновенность, могут нести уголовную ответственность по национальному законодательству, что соответствует международно-правовым обязательствам государства, с привлечением внутрисудебных (национальных) судебных механизмов. Согласно принципу до-

полнительности, лежащему в основании Статута (ст. 17), Международный уголовный суд не принимает на рассмотрение дела, если в отношении соответствующего лица после надлежащей судебной процедуры уже был вынесен приговор другим судом (в том числе национальным судом) за действия, запрещенные в Статуте (ст. 20).

Следовательно, ст. 27 Статута не противоречит п. 1 ст. 49, п. 1 ст. 56, п. 2 ст. 83 Конституции КР.

Второе, относительно передачи лиц Международному уголовному суду.

В соответствии с п. 5 ст. 20 Конституции КР, гражданин КР не может быть выдан другому государству.

Статья 89(1) Статута предусматривает, что Международный уголовный суд может проводить просьбу об аресте и передаче лица вместе с подкрепляющими эту просьбу материалами любому государству, на территории которого находится это лицо, или обратиться к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и передаче такого лица. Государства-участники, в соответствии с предусмотренной их национальным законодательством процедурой, выполняют такие просьбы.

Анализ положений Конституции КР, Статута и других нормативных правовых актов, а также ознакомление со специальной литературой и международно-правовой практикой дают основания полагать следующее.

Термины “передача” и “выдача” в общем понимании их применения часто считаются синонимами, однако в международно-правовых документах и специальной литературе в них вкладывается различный смысл, что делает их юридический характер неидентичным.

Следовательно, международно-правовые документы и специальная литература¹ исходят из того, что доставка лица другому равным образом суверенному государству в принципе отличается от предоставления лица в распоряжение Суда, учрежденного в соответствии с международным правом с участием и с согласия заинтересованных государств.

Если первое, по международно-правовой терминологии, определяется термином “выдача” или “экстрадиция”, то второе – термином “передача”.

Статут также придерживается этой международно-правовой практики, в соответствии с его

ст. 102, “передача” означает доставку лица государством в Суд, а “выдача” – доставку лица одним государством другому в соответствии с положениями международного договора, конвенции или национального законодательства.

В соответствии с п. 5 ст. 20 Конституции КР, выдача (экстрадиция) граждан КР другому государству запрещается. Следовательно, это положение касается лишь национальной, но не международной юрисдикции. Его целью является гарантировать непредвзятое рассмотрение дела в суде и справедливость и законность наказания для граждан КР.

МУС не может приравниваться к иностранному суду, поскольку он учреждается, как уже указывалось, с участием и с согласия государств-участников на основании международного, а не национального права.

Цель, которой объясняется запрещение выдачи граждан одним государством другому, достигается в МУСе с помощью применения соответствующих положений Статута, разработанных (или одобренных) государствами-участниками. Эти положения основаны на международных пактах по правам человека, обязательность которых для КР уже признана.

Следовательно, положения Конституции, касающиеся запрещения выдачи граждан КР (даже в случае широкого толкования термина “выдача”) нельзя рассматривать отдельно от международно-правовых обязательств КР.

Таким образом, необходимо учитывать установленный в Статуте (статья 17) принцип дополнительности, из которого следует, что, если национальная юрисдикция задействована в отношении лиц, виновных в самых тяжких международных преступлениях, МУС не осуществляет в отношении этих лиц свою собственную юрисдикцию, следовательно, вопрос об их передаче МУСу не возникает.

Третье, относительно полномочий прокуратуры.

Статья 77 Конституции КР предусматривает, что прокуратура КР является единой системой, на которую возлагается обвинение в суде от имени государства.

Во-первых, осуществление прокуратурой обвинения в суде от имени государства, по смыслу ст. 77 Конституции КР, касается внутригосударственной, а не международно-правовой юрисдикции. Во-вторых, согласно ст. 42(4) Статута, Прокурор, который должен осуществлять уголовное преследование в Суде и доказывать тяжесть вины обвиняемого, избирается государствами-

¹ См.: Тузмухамедов Б.Р. Международное право в конституционной юрисдикции: Хрестоматия. – М.: Юристъ, 2006. – С. 448–449.

участниками Статута, следовательно, их волеизъявление при этом не ограничивается.

Поскольку в соответствии со статьей 12 Конституции КР международные договоры, вступившие в установленном порядке в силу для Кыргызстана, становятся составной частью правовой системы КР, соответствующие положения Статута, касающиеся поддержки обвинений в МУСе, могут быть имплементированы в законах КР без внесения изменений в Конституцию КР.

Это дает основания полагать, что статьи 42(4) и 66(2) Статута не противоречат положениям статьи 77 Конституции КР.

По утверждению некоторых правозащитных организаций, еще одним препятствием ратификации Римского Статута является наличие военной базы США “ГАНСИ” на территории Кыргызской Республики (“контртеррористическая операция”), и опасения Американского правительства относительно своих военнослужащих этой базы, которые могут оказаться в числе подследственных или подсудимых МУС.

Действительно, Распоряжением премьер-министра КР Н. Танаева был одобрен проект Соглашения между Правительством Кыргызской Республики и Правительством США о передаче лиц Международному уголовному суду. Согласно этому соглашению сторонами достигнута договоренность о взаимном обязательстве не передавать граждан друг друга МУСу (“Соглашение по статье 98” Римского Статута). Однако оно не ратифицировано парламентом.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы и рекомендации:

Анализ норм Конституции КР позволяет сделать вывод о том, что нормы Римского Статута не противоречат отдельным нормам Конституции КР, и нет необходимости вносить изменения в Конституцию КР. Достаточно внести изменения и дополнения в другие нормативные правовые акты (УК, УПК и др.).

Достигнутые договоренности о взаимном обязательстве не передавать граждан друг друга МУСу (“Соглашение по статье 98” Римского статута) между Кыргызстаном и США, не позволяют нам сделать более оптимистические прогнозы по поводу ратификации Римского статута Кыргызстаном. Договоренность – это еще не вступивший в силу договор, но уже позиция государства.

Установление ответственности за совершение большинства преступлений, предусмотренных Римским Статутом, является международно-правовым обязательством КР, в соответствии с другими международно-правовыми документами, которые вступили в силу для нашего государства и с учетом положений п. 3 с. 12 Конституции КР, теоретически и практически допустимо использование в правоприменительной деятельности многосторонних международных договоров, вступивших в силу для Кыргызстана, – прежде всего, договоров в сфере защиты прав и свобод человека, международного гуманитарного права и международного уголовного права.